Н. Н. РОЗОВ

Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири

Древнерусская книжная миниатюра пользуется вниманием советских исследователей: только за последние два года ей было уделено значительное место в монографии А. Н. Свирина, а одному из ее важнейших видов посвящено капитальное исследование О. И. Подобедовой. Кроме того, ряд статей — в эти и в предыдущие им годы — был опубликован в различных периодических изданиях. 1

Эти монографии и статьи рассматривают книжную миниатюру с различных точек эрения — преимущественно с искусствоведческой и источниковедческой. В различных объемах и хронологических рамках они посвящены либо определенному кругу памятников, либо отдельным лицевым рукописным книгам. Такое разнообразие аспектов и масштабов исследований миниатюры наряду с их значительным количеством свидетельствует о многогранности и неисчерпаемости предмета изучения.

Предлагаемая статья является попыткой рассмотреть миниатюры одной из самых выдающихся и известнейших русских лицевых рукописных книг — Киевской псалтири 1397 г. (ГПБ, ОЛДП, F N = 6) лишь в одном аспекте: насколько миниатюры этой книги являются именно книжной иллюстрацией, как они помогают раскрытию содержания книги и как, наконец, они отразили понимание Псалтири в Древней Руси.

Задача эта представляется не менее трудной, чем те, что стояли перед исследователями миниатюр исторических и житийных книг: текст Псалтири по своей жанровой природе не является ни однородным, ни простым. Элемент повествовательный перемежается в нем с аллегорией и абстрагированием, а изложение поступков персонажей переплетается с описанием чувств и переживаний ее героя. Все это придает Псалтири необыкновенную многогранность. Она отразила множество бытовых ситуаций и реалий, выражает тончайшие оттенки переживаний страдающей и мятущейся личности, является настоящей энциклопедией человеческой психологии.

Псалтирь была одной из самых распространенных книг Древней Руси — ее тексты входили во все церковные ритуалы и обряды, широко использовались в монашеском «келейном правиле» и в мирском быту: во многих случаях жизни полагалось читать определенные псалмы. Ими измерялось иногда даже время: длительность церковного благовеста, напри-

¹ А. Н. Свирин. Искусство книги Древней Руси. Изд. «Искусство», М., 1964; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей (к истории русского лицевого летописания). Изд. «Наука», М., 1965. В обеих книгах привлечен обширный круг литературы вопроса, указаны новейшие работы советских исследователей по книжному орнаменту и миниатюре. Не указана лишь статья, посвященная памятику, о котором будет идти речь ниже: П. М. Жолтовський. Кийвські мініатюри 1397 р. — Матеріали з етнографії та мистецвознавства, вып. VI, Київ, 1961, стр. 125—143.

⁵ Тр. Отд. древнерусской лит., XXII

мер, определялась однократным или многократным чтением 50-го псалма. По Псалтири, наконец, наши предки начинали и обучение грамоте. Поэтому знание всей Псалтири наизусть не было редкостью, особенно среди монахов и церковнослужителей, о чем свидетельствует Киево-Печерский патерик и другие литературные памятники.

Во многих и уже древнейших памятниках русской литературы используется Псалтирь, используется по-разному, что доказывает, насколько глубоко и разносторонне понимали ее их авторы. Если в «Слове о законе и благодати» отдельные стихи различных псалмов цитируются прегде это требуется для усиления торжественимущественно там, ного звучания (недаром в изданиях «Слова» почти все псалтирные цитаты отмечаются восклицательным знаком), то Владимир Мономах в своем «Поучении» рассказывает, что, «разгнув» Псалтирь наугад, нашел место, гармонирующее с его грустным настроением, и стал выписывать аналогичные места подряд; после этого цитируются значительные по объему куски из 35-го и других псалмов. И это — не только гадание, как принято данное место комментировать: при гадании по Псалтири довольствовались обычно лишь одной-двумя фразами, которым старались придать отличный от контекста тайный смысл. Цитатами из Псалтири начинается также «Моление Даниила Заточника». Приведенные примеры, взятые из трех различных по жанру памятников, говорят сами за себя.

И совершенно не случайно, что именно Псалтирь была одной из первых книг, которая на Руси стала иллюстрироваться; именно иллюстрироваться, а не украшаться изображениями авторов, заказчиков или их эпонимов, как было принято в первые века существования русской книги. Старейшая русская лицевая Псалтирь (Хлудовская в ГИМ) относится к XIII в.; она старше лицевых житийных и историографических книг—тверского списка Хроники Георгия Амартола, Сильвестровского сборника, Радзивиловской летописи и многих других.

Киевская псалтирь 1397 г. занимает в ряду лицевых псалтирей особое место; Псалтири именно такого типа переписывались и разрисовывались вплоть до XVII в. — конца монопольного господства в России рукописной четьей книги.

Какими же качествами именно эта Псалтирь обеспечила себе столь длительное существование? Прежде всего своими высокохудожественными — живописными и графическими — качествами, далеко еще не исчерпывающе раскрытыми в работах специалистов-искусствоведов. Во-вторых, менее заметным и менее известным свойством — большой выразительностью и доступностью своих иллюстраций, их органической и ясной связью с текстом книги. В иллюстрациях Киевской псалтири с необыкновенной, предельной ясностью отразилось понимание Псалтири древнерусским читателем, который в данном случае является одновременно и ее иллюстратором. Энциклопедизм содержания Псалтири нашел в этих иллюстрациях свое всестороннее отражение; ее содержание стало благодаря им понятным и близким читателю.

Последнему способствует прежде всего исключительно продуманное и удачное расположение иллюстраций, их гармоническое соотношение с текстом. Иллюстрации не врываются в текст и не перебивают его; они, как иконные клейма, лишь окаймляют отдельные псалмы; они, как схолии античных рукописей, помогают читателю глубже вникать в текст. И это одна из важнейших особенностей именно Киевской псалтири: в Хлудовской и некоторых других лицевых русских, а также греческих и южнославянских псалтирях XIII—XIV вв. иллюстрации располагаются не только на полях, но и на отдельных листах (часто по нескольку на каждом), в проме-

жутках между псалмами, а иногда и внутри самих псалмов, разрывая их текст.

Связь иллюстраций с соответствующими им местами текста осуществляют в Киевской псалтири тонкие киноварные линии; они не мешают чтению текста, но в нужных случаях указывают, к каким именно словам относится та или иная иллюстрация. Необходимость таких указаний диктуется отмеченными выше сложностью и неоднородностью жанровой природы Псалтири, наличием в ней нескольких смысловых слоев. Одно и то же место может восприниматься и в буквальном, точнее --- реальном смысле, и в поэтическом — как аллегория, символ или пророчество. В текстах псалмов перемежаются, наслаиваясь друг на друга, эпизоды жизни царя Давида, сцены из некоторых книг Ветхого завета, наконец, самые разнообразные, подчас сложные и противоречивые, описания чувств и переживаний героя Псалтири. К этому всему иллюстратор прибавил изображения огромного количества эпизодов из различных книг Нового завета; они относятся к тем местам Псалтири, которые воспринимаются как предсказания этих событий, или к стихам, которые цитируются в службах соответствующих праздников, или, наконец, помогают раскрытию аллегорического смысла отдельных образов и иносказаний. Кроме всего этого, поля Киевской псалтири испещрены многочисленными изображениями отдельных фигур святых, преимущественно героев и авторов агиографической и патристической литературы. 3 Один лишь перечень сюжетов и персонажей иллюстраций Киевской псалтири говорит о чрезвычайном многообразии и многоплановости последних, что вполне соответствует сложной жанровой природе и разнообразию восприятия иллюстрируемого литературного па-

В систему поэтических образов Псалтири, отраженных в иллюстрациях, художник вводит читателя уже с первого псалма, начинающегося фразой: «Блажен мужь иже не иде на свът нечтивых» (так! — H. P.). Киноварная линия от начала этой фразы идет вниз, к довольно крупному изображению (оно вдвое больше находящегося вверху, в центре заставки, Деисуса)

² Вопрос о том, кем были сделаны эти соединительные линии, не имеют в данном случае существенного значения. Если они были сделаны художником, то это показывает его восприятие связей иллюстраций с текстом в процессе рисования, если же кем-то из читателей, то они отражают те же связи, возникающие во время чтения. В обоих случаях киноварные линии имеют одно и то же назначение — подсказать, где это необходимо, как «читать» иллюстрации в связи с текстом. Этой же цели служат краткие, обычно однословные, надписи на многих иллюстрациях. Некоторые надписи сделаны по-гречески, их можно признать за «родимые пятна» — свидетельства восхождения иллюстраций к греческим оригиналам. Однако преувеличивать значение этого факта не следует: греческие надписи на русских изображениях в значительной степени были данью традиции; так, например, по-гречески надписывались до самого последнего времени изобоажения богоматери.

последнего времени изображения богоматери.

3 Имеются изображения мучеников Гурия, Самона и Авива (дважды), отшельников Антония, Арсения, Саввы, Симеона столпника (дважды), Григория Богослова, священномученика Елевферия, привязанного к хвосту коня и волочащегося по земле (л. 51 об.), Василия (Великого?), святых Феклы, Артемия, Алимпия столпника, Агафангела и Клима, Матфея (апостола?), Феодула, Прова, Тарха и Андроника, Иоанна Златоуста, беседующего с Христом, Иоанна Милостивого с двумя нищими, святых Никифора, Ануфрия, Павла Фивейского, Иоанна Кущника, Арефы и Захарии, пророка Захарии и Елизаветы (последняя с ребенком, надписанным «Иоанн»). Кроме того, есть неизвестные святые, надписанные без имени («иерарх», «святитель», «священномученицы», «безмездницы») или вообще не надписанные. Среди изображенных святых, кроме отмеченных двух- и трехфигурных статичных изображений, есть и динамичные, иногда многофигурные композиции— сцены встречи Марии Египетской с Зосимой и сложная, состоящая из трех частей, иллюстрация истории сорока мучеников. Всего на полях Киевской псалтири около 300 отдельных малофигурных изображений и многофигурных композиций.

группы сидящих вокруг стола с книгой на высоком пюпитре мужчин и женщин, над которыми киноварью сделана пояснительная надпись «нечестивии» (второй раз такое «заседание нечестивых» около пустого кресла изображено в иллюстрациях стиха 25-го псалма: «Не седох сь снемомь суетнымь»). На правом поле Христос благословляет Давида под деревом, от корней которого течет ручей. Соединительных линий с текстом у этого рисунка нет, они и не нужны, и так понятно, что это иллюстрации двух следующих стихов: «Но вь законе господни воля его и в законе его поучится день и нощь. И будеть яко древо саженно при исходищих вод». Третья, заключительная иллюстрация, наоборот, нуждается в привязке к тексту, так как она не связана непосредственно с его фразой: «Сего ради не выскреснуть нечестивии (так! — H. P.) на суд, ни грешници вь свът (так! - Н. Р.) праведных». Рисунок изображает Авраама с человеческой душой на руках; остальные души толпятся за спинкой его трона. Такова первая в этой книге иллюстрация ветхозаветного сюжета, изображающая участь душ «праведных» после «общего воскресения».

Первая иллюстрация на новозаветный сюжет, изображающая взятие Христа воинами под стражу, привязана к первой фразе второго псалма: «Въскую шаташася языци». Она, так же как и предыдущая, изображающая «лоно Авраамово», связана с текстом далеко не непосредствсино; художник вводит читателя в круг образов, навеянных Псалтирью и хорошо знакомых ему по церковным ритуалам. В «лоно Авраамово» с надеждой на «причтение к праведным» направлялся умерший в чине отпевания, а взятие Христа под стражу начинало цикл его «страстей», хорошо знакомый иллюстратору и читателям Псалтири по евангельским чтениям. Следующая иллюстрация того же псалма непосредственно связана с его текстом и изображает один из эпизодов жизни Давида — его избрание царем. Последняя иллюстрация второго псалма возвращает читателя в круг событий Нового завета, изображая Рождество Христово. Она привязана к фразе «Сын мой еси ты — аз днесь родих тя», употребляющейся в рождественском богослужении; в дальнейшем Рождество изображается еще два раза и также на тексты из богослужений в этот день.

Единственное изображение около следующего, 3-го псалма, иллюстрирует его заглавие, точнее, обстоятельства написания: «Псалом Давидов егда убежа от лица Авесолома сына своего». Она — первая в ряду батальных сцен иллюстраций этой книги и в точности соответствует тексту: за всадником с нимбом, над которым написано «Давид», гонится группа конников, сзади которых скачет другой всадник с развевающимся плащом, сопровождаемый еще тремя конными воинами.

Иллюстрации первых трех псалмов заключают в себе основные иконографические и смысловые типы изображений Киевской псалтири, развивающиеся в дальнейшем. Так, из сцен Нового завета еще дважды изображается эпизод взятия Христа под стражу, есть четыре варианта Распятия, изображены восемь «двунадесятных» праздников (некоторые ь нескольких вариантах) и многие другие евангельские эпизоды, а также сцены соществия Христа во ад (два варианта) и «вещания» апостолов — одна из самых многофигурных композиций среди иллюстраций этой книги, состоящая из 12 групп (лл. 23 об.—24, псалом 18). Для раскрытия содержания иллюстрируемой книги эта группа дает, пожалуй, меньше, чем остальные, но она интересна иконографически, давая различные (обычно многофигурные) варианты изображений одного и того же сюжета. Примечательно, что в отличие от икон рамки этих изображений лишь намечены: прямыми линиями ограничены только их нижние и частично боковые стороны, но никогда нет верхней линии. Тем самым иллю-

страции Киевской псалтири монолитно сливаются с ее текстом; они как бы «растворяются» в белом фоне пергамента — общего и для текста, и для

иллюстраций.

Цикл эпизодов из жизни Давида заключает, кроме названных, изображения его встреч и бесед с пророком Нафаном, царем Саулом, а также сцены помазания на царство, бегства и гибели Авесалома. Во всех этих сценах Давид изображен царем — в короне, царских или воинских одеждах. Лишь в конце, после псалмов и перед библейскими песнями, Давид изображен юношей-пастухом, в простой одежде (л. 205). Это — иллюстрация псалма, который «особь писа Давид и вне числа . . . егда един брася с Голиафом» (так сказано в заглавии); в нем Давид вспоминает свою молодость, свою жизнь до поставления на царство.

Самая сложная многофигурная и, пожалуй, наиболее интересная иллюстрация эпизода жизни Давида изображена на л. 79 об., в начале 59-го псалма. Из текста Киевской псалтири выпало надписание этого псалма, рассказывающее об обстоятельствах его появления; из других списков известно, что он был написан во время войны с Сирией. В центре композиции — массивная башня, которую осаждают враги (два из них факелами пытаются поджечь ее); осаждаемые бросают сверху камни и стреляют в них. На нижнем поле изображена динамичная сцена бегства и преследования врагов; впереди их мчится всадник с большим красным щитом и в развевающемся плаще, а под их ногами — лежащий конь и распростершийся на земле убитый воин. За ними гонится группа всадников, идущая в сомкнутом строю со знаменами и копьями; часть копий летит и вонзается в спины преследуемых врагов или, наоборот, устремляется в преследователей. Всю композицию венчает великолепная конная фигура Иоава, нарисованная над башней. Таковы иллюстрации Киевской псалтири, отражающие биографию Давида.

Остальные и гораздо более многочисленные изображения Давида относятся к тем местам, где он олицетворяет героя Псалтири. В большинстве случаев это двухфигурная композиция, диалог; фигура Давида дается в значительном разнообразии вариантов, а его собеседник Христос изображается менее разнообразно, иногда в полный рост, на земле, но чаще — в пояс, в небе, в золотом круге или сегменте, изредка в киотце. В некоторых случаях, преимущественно в тех, когда Давид не беседует с богом, а молится ему, сверху нарисована благословляющая десница, протянутая также из золотого, а иногда красочного круга или сегмента.

Особенно интересны и содержательны изображения Давида в тех случаях, когда тексты псалмов описывают душевные переживания человека; в них используется интерьер, бытовой реквизит, пейзаж, батальные и бытовые сцены. Так, в начале 6-го псалма содержится обращение к богу оольного, который просит не «обличать» его яростью и не «показывать»

⁴ В целом ряде случаев человек, переживания которого описываются в псалме, не отождествляется с Давидом. Так, у начала 40-го псалма — «Блажен разумеваяй на нища и убога» — перед двумя нищими стоит старик с мешком, надписанный «милостивый»; у стиха 72-го псалма («держал еси руку десную мою») Христос держит запястье старика с надписью «праведный», а другой старец — «преподобный» изображен молящимся перед Христом в начале 76-го псалма в той же позе, в которой рисуется обычно Давид. Герой псалмов 85-го и 101-го изображен в образе нищего. Нельзя было изображать одного Давида и в тех псалмах, где употребляется множественное число. Таков псалма 43-й («Боже ушима нашима услышахом, отци наши вызвестища нам»), стих 52-го псалма («бог с небесе приниче на сыны человечьскыя») и, наконец, четырехфигурная композиция — коллективный портрет героя 118-го псалма («Блажени непорочнии в путь ходящем...»), динамичная группа идущих друг за другом людей, надписанная «вси святии» (л. 166 об.).

(так! — H. ρ .) гневом. Никакой эпизод жизни Давида ни в заглавии псалма, ни в его тексте не упоминается, но его герой, как и в подавляющем большинстве случаев, отождествляется художником с тем, кому давняя традиция приписывала авторство и кто изображен на фронтисписе книги единственном ее изображении во весь лист. На полях этого псалма Давид изображен дважды: в первом случае он лежит на одиноко стоящем ложе, а во втором, где он плачет в подушку (иллюстрируются слова «слезами моими постелю мою омочю»), сзади изображен каменный дом под черепичной крышей, а рядом — несколько деревьев за решеткой. Такое же каменное строение и на том же месте, но с деревьями позади, изображено в идлюстрации псадма 115-го (д. 164). Перед Давидом стоит сдуга, а на нижнем поле изображен гончар, отделывающий кувшин, стоящий на чаше, такой же (лишь в увеличенном размере), как и та, из которой пьет Давид (киноварная линия тянется от этой чаши к стиху: «Чашю спасения прииму и имя господне призову»). Значение изготовляемого кувшина для иллюстрации этого псалма неясно (к нему нет никакой привязки), но изображение гончара — одна из любопытнейших бытовых реалий Киевской псалтири.

Большинство переживаний героя Псалтири связано с кознями его противников, которые олицетворяются в собирательных образах «нечестивых» или «врагов». Они изображаются иногда воинами, и такие иллюстрации являются как бы связующим звеном между циклами иллюстраций жизнеописания Давида и изображениями переживаний героя Псалтири. Такова иллюстрация заключительного стиха 11-го псалма — «окрест нечтивии (так! — H. ho.) ходять» (она находится немного не на своем месте — в начале следующего псалма): Давид лежит, укрывшись в пещере внутри горы, вокруг которой ходят четыре воина — все в разных доспехах и с различным оружием. Аналогичная композиция иллюстрирует 16-й псалом — Давид стоит на фоне горы в окружении воинов, над которыми написано: «врази Давидовы». Большая группа врагов окружает массивную башню, из которой убегает Давид; это иллюстрация начала 58-го псалма: «Изми мя от враг моих боже . . . нападоша на мя крепции» (л. 78). Иногда «врагов» олицетворяет не группа воинов, а лишь один: такова, например, иллюстрация начала 63-го псалма, в котором содержится просьба: «... От страха вражия изми душю мою».

Интересны изображения «нечестивых» как олицетворение некоторых человеческих качеств и свойств. Так, например, на полях 72-го псалма изображены две мужские фигуры с высунутыми длиннейшими языками; это — буквальный «перевод» в изображение фразы «и язык их преиде по земли». Интересно, но не совсем понятно изображение около стиха 36-го псалма: «Видех нечтиваго превозносящася и высящася яко кедры ливаньскыя» (л. 50 об.). К нему привязаны две фигуры — Давида под высоким деревом и «нечестивого» с небольшим мешком или сосудом в одной руке и со эмеей в другой. Можно лишь предположить, что художник изобразил здесь стяжателя (если понимать эмею как символ коварства и зла), а может быть, и отравителя, собирающего змеиный яд. Изображение скупого, скареда можно усмотреть в рисунке поблизости, всего через три листа: на стуле - мужская фигура в богатой одежде, держащая с помощью слуги большой открытый мешок (такой же мешок в руках у Иуды на л. 81 об.), а ниже нарисован навьюченный верблюд с погонщиком и носильщиком с тюком на спине. Оба изображения привязаны к стиху 38-го псалма «съкрываеть и не весть кому сбираеть». Очень выразительны атеисты (л. 15 об.) — две оживленно жестикулирующие мужские фигуры; они привязаны к началу 13-го псалма: «Рече безумен в сердци своемь — несть бога!». Сверху, из золотого круга, на них смотрит Xристос, что можно соотнести с одним из последующих стихов того же псалма: «Господь сь небесе приниче над сыны человечьския».

Наконец, «нечестивии» изображаются в виде чертей, и на этой детали следует остановиться подробнее. Все изображения этой книги и их детали, даже самые мелкие (например, огонь факелов, перья в крыльях ангелов и др.) — красочные и отделаны филигранно, все же фигуры чертей — темные, силуэтные. Такая контрастность увеличивает экспрессивность и впечатляемость их изображений.

В образ «нечестивых» черти Киевской псалтири входят постепенно, сначала лишь как сопровождающий элемент, а потом уже самостоятельно, заменяя их. Впервые они появляются в иллюстрации начала псалма 10-го: «На господа уповах — како речеть души моей, привитай по горамь яко птица; яко се грешници напрягоша лук, уготоваша стрелы втуцъ (так! — Н. Р.) сьстреляти вь мраце правыя сердцемь» (л. 13 об.) (рис. 1). На высокой, узкой горе сидит птица, а под горой — две динамические фигуры «нечестивых», стреляющих вверх из луков: один — с колена, другой — как бы замерев в беге. Ниже, еще более экспрессивны, две маленькие сероватые крылатые фигурки, протягивающие вверх, к стреляющим «нечестивым», тонкие, как комариные ножки, руки. Фигурки этих чрезвычайно живых подстрекателей еще больше динамизируют всю эту сцену. 5

Находка, вероятно, понравилась художнику Киевской псалтири, и он повторяет изображения чертей вскоре, около текста 16-го псалма. В нем есть фраза «изми душю мою от нечьстивых», к которой привязано обычное изображение Давида перед Христом. Иллюстратору этого показалось мало, и он ниже нарисовал двух таких же маленьких крылатых силуэтных чертей; в руках у них тонкие длинные крючки, которыми они замахиваются на ближайшие строки текста. У этих миниатюрных фигурок есть новая деталь — вэъерошенные волосы, какие обычно рисовались на головах дьявола, демонов и другой «нечистой силы». Найденная иллюстратором композиция повторяется около 30-го псалма: опять Давид беседует с Христом, а под ними летят вниз головами в бездну те же крылатые и лохматые силуэтные черти, выронив свои крючки. Эта иллюстрация привязана к тексту: «Да постыдятся нечтивии и снидуть в ад». Еще два изображения черта в дальнейшем уже тесно связаны с текстом; первое из них, являясь деталью композиции, связано с текстом даже крепче, чем основной персонаж. Около стиха 108-го псалма «постави нань грешника и диявол да станеть одесную его» выразительно нарисован повесившийся Иуда и рядом с ним (слева от зрителя) — знакомая черная крылатая, но на сей раз статичная фигура. У начала 127-го псалма изображен умирающий «праведный»; ангел вынимает из него душу, к которой тянется та же маленькая черная крылатая фигурка (справа была, очевидно, такая же, но ее обрезали при переплетении книги: остался только профиль). А в сложной многофигурной композиции страшного суда на л. 180, где в адском пламени сидит сам сатана, а два рослых черта толкают группу людей в ад (им помогает ангел, влетевший тоже в ад), - опять две динамичные фигурки маленьких чертиков. Один из них летит навстречу идущим в ад, как будто приветствуя старых знакомых, а второй крючком

 $^{^5}$ Не совсем понятна еще одна фигура этой композиции — стоящий вверху, между птицей и «нечестивыми», молодой человек с распростертыми руками. Надпись над ним гласит «Діасо»; если принять ее за греческую, то можно рассматривать ее как начало слова, производного от глагола « δ 1 α 2 σ 0 β 6 ω » со значением «разгонять». Вероятно, в роли такого «разгонителя нечестивых» и нарисован здесь этот персонаж, хотя в тексте псалма он не упоминается.

пытается склонить чашу весов, которые держит другой ангел (третий

ангел поражает его трезубцем в лоб).

Что касается изображений ангелов в Киевской псалтири, то они очень многочисленны и довольно разнообразны, но их роль редко бывает самостоятельной: они выступают лишь как воины, посланцы и слуги небесного царя. Только в одном случае ангел выступает как самостоятельный и центральный персонаж: в изображении «чуда архангела Михаила в Хонех» (л. 130 об.) — сюжете, довольно распространенном в древнерусской живописи. Поэтому роль изображений ангелов в раскрытии содержания книги не очень велика, но они всегда оживляют, динамизируют изображения и тем способствуют усилению впечатления от иллюстраций.

Так, например, на полях псалма 36-го изображено пять фигур «грешников»: первый из них лишь «назираеть праведнаго», как сказано в тексте, он подходит, угрожающе жестикулируя, к последнему; дьа других стреляют из луков «нища и убогаго», а еще два падают вниз. Эту несколько статичную группу оживляет фигура стремительно летящего ангела, вонзающего в одного из падающих «грешников» трезубец; оба «грешника» уже пронзены копьями и, как явствует из текста, своими же: «оружье их внидет вь сердца их». Столь же стремительно поражает летящий ангел копьем в пятку падающего в бездну грешника при стихе псалма 7-го «и впадется вь яму, яже створи». А в иллюстрации псалма 58-го ангел, изображенный в пояс, с такой силой вонзает копье в плечо одного из двух «врагов», что из раны фонтаном брызжет кровь. Наконец, очень динамичны и красочны ангелы в иллюстрациях новозаветных сюжетов, особенно в композициях Вознесенья (изображено в трех вариантах).

Еще более динамично и развернуто, чем действия небесных сил, изображены земные батальные сцены. Чаще всего это большие, многофигурные композиции, представляющие большой интерес как изображения крепостных сооружений, оружия и орудий, различных методов веления боевых действий. Художника не смущает то обстоятельство, что в иллюстрируемом тексте не всегда есть описания батальных сцен, как это бывает в тех случаях, когда в псалмах речь идет о некоторых «боевых» эпизодах жизни Давида, о чем говорилось выше. Так, например, в начале 78-го псалма лишь вспоминается о разорении Иерусалима, хотя с некоторыми подробностями и яркими сравнениями («положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупия раб твоих брашна птицамь небеснымь, плоти преподобных твоих — зверемь земнымь»). На иллюстрации же изображен только начальный момент вспоминаемого события (она и привязана к первой фразе псалма) — нападение на город, но с подробностями, которых нет в тексте. Два всадника по краям преследуют пеших воинов, пытающихся укрыться в башне, изображенной в центре; один воин закалывает поверженного противника ударом кинжала в горло, а его самого поражает копьем всадник, другой воин режет противника ножом (л. 111). Ни птиц, ни зверей, упоминаемых в тексте, нет, хотя, как будет показано ниже, изображение животных — один из самых распространенных сюжетов иллюстрации Псалтири.

Текст 105-го псалма богато иллюстрирован: на полях показано, как «отверзеся земля и пожре Дафана» и как евреи, забыв своего бога-благодетеля, «поклоняются истуканам» (эта сцена варьируется трижды), как

⁶ Запоминаются фигуры двух ангелов, несущих «врата господня» (л. 166): они, перегнувшись вниз головами, подпирают звездный овал, на котором изображены створки ворот, спинами и затылками, так как руки у них заняты пеленами.

приносят им человеческие жертвы. Кара за все эти преступления рисуется в тексте скорее эмоционально, чем описательно: «И разгневася яростью господь на люди своя, и омерзе ему достояние его и предасть их в руце врагом»; иллюстрировано же все это весьма конкретно — динамичной сценой боя конницы с пехотой, на которую в тексте нет даже намека (л. 151 об.).

По богатству и разнообразию композиции, динамичности и насыщенности реалиями, наконец, по ярким и разнообразным пейзажам батальные сцены Киевской псалтири уступают лишь бытовым массовым сценам в иллюстрациях этой книги. Это по большей части развернутые композиции на сюжеты отдельных эпизодов Ветхого завета, о которых либо рассказывается, либо вспоминается в псалмах.

Иллюстрации ветхозаветных сюжетов по манере изображения можно разделить на две группы — изображения отдельных эпизодов с ограниченным числом действующих лиц и массовые народные сцены. К первым относятся иллюстрации эпизодов жизни Иосифа (два варианта сцены с Пентефрием, продажа его в рабство), Иова (два изображения), «видения» пророков Даниила, Моисея, Гедеона, сцена жертвоприношения Исаака и некоторые другие. По своей композиции и общему облику они близки к некоторым сценам из жизни Давида; их объединяет какая-то «камерность» исполнения, хотя большинство иллюстрированных эпизодов происходит вне интерьера и архитектурный элемент имеет в них лишь декоративное значение. В них, наконец, полностью отсутствует пейзаж.

В такой же «камерной» манере исполнены некоторые, немногочисленные массовые сцены из Ветхого завета, например иллюстрация стиха 104-го псалма «Й вниде израиль вь Египет». Переселение целого народа изображено в виде двуколки, запряженной парой волов, в которой сидят шесть человек (л. 147); изображенная на соседней странице сцена продажи Иосифа гораздо более многофигурна и сложнее по композиции. Но зато целым рядом интереснейших многофигурных композиций, данных иногда на фоне пейзажа, иллюстрирован «исход» израиля из Египта.

Первая из них иллюстрирует стих 76-го псалма «извел еси, яко овца, люди своя рукою Моисеевою и Аронею» (л. 105). Вся сцена происходит на крутом откосе горы, обращенном влево, к тексту, который она иллюстрирует. Внизу стоит Моисей, нашупывая жезлом дорогу, выше его — Арон, обернувшийся и глядящий вверх, как будто сообщая толпящсмуся на горе народу о результатах поисков Моисея. Через две страницы изображен первый вариант сцены перехода через Чермное море — небольшая, немного сжатая композиция, разворачивающаяся также сверху вниз: вверху — группа всадников, внизу — группа израильтян с Моисеем и Ароном позади. Разделяет эти группы небольшое пространство — суша среди моря и вода, по которой идут израильтяне. Столь же незначителен элемент

⁷ «Истуканы» — золотые статуи воинов с копьями и щитами изображены (в двух случаях из трех) на двух высоких колоннах из разноцветного камня, соединенных сверху бруском. Строительство таких же, но деревянных пведесталов изображено раньше, около 95-го псалма, с мельчайшими подробностями. Нарисованы люди, заготавливающие материал, несущие его на спинах по наклонной доске и поднимающие с помощью блока в сосуде, напоминающем лампаду. Два строителя работают вверху, на горизонтальном брусе, а третий лезет по правой колонне помогать им И все это — иллюстрация одной только фразы. «яко вси бози язык — бесове». Обломки строительного камня, в частности мрамора, изображены в сценах сошествия Христа в ад и разрушения «адских врат» (л. 31). Кроме того, фактура хорошо отполированного камня подчеркнута на некоторых из многочисленных изображений кивориев или сеней над ковчегом завета и над престолом (в зависимости от того, кто перед ним молится — ветхозаветный или новозаветный персонаж).

пейзажа и в последующей иллюстрации того же псалма — в сцене извлечения Моисеем воды: из скалы, над которой Моисей замахивается жезлом, течет вода; к ней с жадностью прильнула лежащая у ног пророка фигура, а остальные четыре израильтянина пьют эту воду из чаш. Дальнейшие сцены — чудесного насыщения народа манной, «хлебом ангельским» и птицами — даны вообще вне пейзажа, хотя и насыщены бытовыми подробностями и очень динамичны. Люди собирают манну в различные сосуды, едят ее, сидя у большой чаши, ловят падающих с неба птиц, варят их в котле и поджаривают нанизанными на прут (лл. 107—107 об.).

Два других, последующих варианта иллюстрации перехода через Чермное море сделаны с большим количеством элементов пейзажа; за счет их увеличения и варьируется уже известная читателю композиция около 77-го псалма. Во втором варианте (л. 109 об.) композиция прежде всего растягивается, переходя с бокового поля на нижнее; в левой ее части, выше, войско фараона затопляется водой, а евреи внизу идут по траве (замыкающий шествие Моисей ударяет жезлом по настигающей их воде). Композиция эта свободно переливается с одного поля страницы на другое, «обтекая» весь ее текст, в котором иллюстрирует лишь одну маленькую фразу: «и врагы их покры море». В третьем варианте того же сюжета (л. 205 об.), значительно удаленном от первых двух, в основу взят второй вариант: в нем та же композиция, охватывающая левое и нижнее поле, но войско египтян уже поглощено водой (видны плавающие кони, щиты), а на суше, по которой идут евреи (их группа изображена очень близко ко второму варианту), нарисованы горы и деревья.

В некоторых изображениях ветхозаветных сюжетов элементы пейзажа объединяются с архитектурными; такова. например, иллюстрация
истории пророка Ионы (л. 220). Это сложная многочастная композиция,
развернутая на боковом и нижнем поле страницы. Вверху Иона сидит
под деревом, склонившим над ним свои плоды, под ярким красным солнцем; ниже расположен каменный пустой город. На нижнем поле господствует и объединяет все элементы изображения море: по нему плывет
лодка, с которой сбрасывают Иону, а в воде — два фантастических зверя;
правый готовится проглотить Иону, а левый выплевывает его на берег.

Иллюстрации ветхозаветных сюжетов в Киевской псалтири отличаются от новозаветных гораздо большей свободой композиции, широтой и многоплановостью ее развертывания. И это не случайно: если новозаветные иллюстрации имеют свои аналогии в иконах, ограниченных размером и формой доски, то ветхозаветные сюжеты изображались обычно в стенописях и были более свободны от пространственных и масштабных ограничений. Это несомненно отразилось в ветхозаветных иллюстрациях старинных русских книг, которые до сих пор производят гораздо большее впечатление, чем варианты икон, перенесенные на страницы или поля книги. Последнее особенно чувствуется в Киевской псалтири, где связь иллюстрации с текстом наиболее органична, о чем уже говорилось выше.

Неотъемлемым и органическим элементом иллюстраций этой книги являются изображения растительного и животного мира.

⁸ Связи иллюстраций Киевской псалтири с современной ей станковой и монументальной живописью отмечаются в книге Г. Логвина, где воспроизведены две иллюстрации (Г. Н. Логвин. Украинское искусство. Изд. «Искусство», М., 1963, стр. 109—110). Несколько иллюстраций, в том числе одна целая страница (в красках, но, к сожалению, в уменьшенном масштабе), воспроизведены в книге А. Н. Свирина «Искусство книги Древней Руси» (стр. 218—222). Среди этих репродукций дважды (у Г. Логвина — в красках) воспроизведена сцена танцев перед царем Саулом — одна из наиболее известных иллюстраций Киевской псалтири.

Растительный мир в этих иллюстрациях не играет большой и самостоятельной роли. Рисуются чаще всего отдельные деревья, иногда олицетворяющие сравнения и символы, иногда отражающие реалии и детали, о которых говорится в тексте. Первое дерево, изображенное на первой странице, иллюстрирует, как уже отмечалось выше, сравнение; высокое, стройное дерево иллюстрирует сравнение-символ псалма 127-го: «жена твоя яко лоза плодовита» (л. 183). В изображении входа Христа в Иерусалим (л. 9 об.) дерево уже необходимая реалия: хотя иллюстрируется лишь стих «изо уст младенець и съсущих свершил еси хвалу», из евангельского изложения этого события известно, что народ приветствовал Христа срезанными «ветвиями древес». Отдельные или немногочисленные деревья в качестве декоративного элемента изображены еще на многих иллюстрациях; наряду с горами они показывают, что действие происходит на воздухе. Две больших группы деревьев нарисованы около стиха 77-го псалма «изби градом винограды их»; это уж настоящая иллюстрация. Больше же всего деревьев изображено в иллюстрациях тех псалмов, где идет речь о рае, «насажденном», по библейскому сказанию, богом. На фоне деревьев дважды изображен Авраам (лл. 2 об. и 29 об.), и три группы изящных деревьев изображены у начала 119-го псалма: «Руце твои створисте мя и создасте мя». Иллюстрируется это сценой «творения» Адама, происходящей в раю, который изображен в виде сада, населенного птицами; на нижнем поле две великолепно разрисованные «райские птицы» — павлины.

Животные являются неотъемлемым элементом пейзажа, и их в Киевской псалтири очень много; они весьма разнообразны не только по своим изображениям, но и по своим функциям: изображаются животные, упоминающиеся или действующие в тексте псалмов, животные, иллюстрирующие сравнения или символы, т. е. элемент уже не реальный, а поэтический.

Первая большая группа животных иллюстрирует стих 8-го псалма: «Вся покорил еси под нозе его — овца и волы вся, еще же и скоты польскыя, птица небесная, рыбы морскыя» (л. 9 об.) (рис. 2); кроме перечисленных в тексте, изображена пара коз и две лошади, очевидно, для пополнения числа «скотов польских». Особенно разнообразны здесь птицы: две — в полете, три — на земле (две черные, с хищными клювами и раздвоенными хвостами, одна белая, «пешая», вероятно, куропатка). Овцы, волы, «скоты польския» (травоядные) и птицы изображены вне природы, вне среды своего обитания, но рыбы (их тоже несколько видов) изображены в своей стихии, в воде. Последнее, конечно, не случайно, а отражает реальную действительность: рыба не может жить без воды. Много разнообразных животных, птиц и рыб — реальных и фантастических — изображено в конце Псалтири, около так называемой «Песни трех отроков», в которой говорится, как «всякое дыхание» хвалит бога (лл. 224 об.—225). На л. 83 изображены две лисы, иллюстрирующие соответствующий стих 62-го псалма. Среди фантастических зверей-людоедов весьма реалистически изображен медведь (л. 144 об.). Из фантастических животных (их в Киевской псалтири сравнительно немного) особенно интересен «аспид глухий и затыкаяй уши свои»; делает он это кончиком раздвоенного хвоста, а перед ним играет на длинной дудке человек в остроконечной шапке (л. 77 об.).

Многие звери на полях Киевской псалтири иллюстрируют сравнения, которыми изобилуют псалмы. Коварные и хитрые враги сравниваются обычно со львами. Первый из таких львов, сиреневый, нападает на человека из-за скалы каким-то призраком (л. 8); второй, зеленый, бросается на человека в открытую, хотя и иллюстрирует стих 9-го псалма «лаеть

в тайных яко левь вь ограде своей» (л. 12 об.). Не является ли необычная окраска двух этих львов приемом художника, желавшего подчеркнуть, что в данном случае изображены не реальные, а «мысленные» львы? В дальнейшем животные окрашены уже в естественные цвета. На л. 41 об. дикая лошадь и мул иллюстрируют обращение: «Не будете яко конь и меск, им же несть разума». На полях псалма 48-го, обращенного к богатым и знатным, а также к умным и глупым с напоминанием о том, что все смертны, «человек в чести» дважды уподобляется «скотам немысленным»; к этому сравнению привязано изображение свиней, подкапывающих дерево, с которого сыпятся желуди.

Одними из распространенных сравнений Псалтири являются сравнения с птицами, употребляющиеся обычно при описании душевных переживаний героя. Многие из этих сравнений отразились в иллюстрациях Киевской псалтири. С жизнью птиц сравнивается одиночество и беззащитность героя — в псалме 10-м, об иллюстрациях которого (стреляющие грешники и черти-подстрекатели) говорилось выше, а также в 101-м псалме, где говорится об одинокой птице на крыше, — или наоборот, относительная безопасность и отсюда спокойное расположение духа, умиление. Так, в начале псалма 83-го говорится: «Коль вьзлюблена села твоя господи сил ... сердце мое и плоть моя възрадовастася о бозе живе, ибо птица обрете собе храмину и горлица собе гнездо, идеже положи птенца своя». Иллюстрировано это весьма конкретно и реалистично: на высоком, мощном дереве — гнездо с птенцами, вокруг которого летают две птицы одна крупная, другая меньше (л. 116 об.). Аналогичная иллюстрация около стиха второй песни Моисея (л. 209 об.): «И схрани его, яко зеницю ока, яко орел покрыти гнездо свое» (речь идет о народе израильском). Сравнение с орлом иллюстрируется еще в одном месте — около сгиха 102-го псалма: «обновится, яко орлу уность твоя»; под деревом, на котором сидит орел, стоит старец. Птицы на деревьях, видно, так понравились художнику, что он даже петуха перед апостолом Петром посадил на дерево (л. 54).

От изображений животных, иллюстрирующих сравнения, естественно перейти к иллюстрациям зооморфных символов и аллегорий: символика часто рождается из сравнения и перерастает в аллегорию; все это можно проиллюстрировать на примере Киевской псалтири.

Так, например, в 21-м псалме описывается отчаяние оставленного всеми и окруженного врагами человека, которое ассоциируется у иллюстратора с описанием крестных страданий Христа, очевидно, потому, что первый стих этого псалма — «Боже, боже мой, вонми ми вьскую мя остави!» —почти буквально приводится в Евангелии в качестве последнего, предсмертного крика Христа. Многие стихи этого псалма употребляются в богослужениях страстной недели; поэтому зооморфные сравнения его иллюстрируются не изображениями соответствующих животных, а более сложными, символическими фигурами. Стихи «Обыдоша мя телци мнози, унци (быки, — Н. Р.) тучнии одержаша мя» и «яко обиидоша мя пси мнози» иллюстрируются изображениями воинов, окружающих Христа; в первом случае (л. 27 об.) они в рогатых шлемах, во втором — с песьими головами. И тут же рядом изображены обычные воины, весьма реалистично прибивающие к кресту Христа и делящие, сидя на щитах, его одежду.

Зооморфная аллегория представлена в Киевской псалтири как отдельными фигурами, изображенными обычно вне пейзажа, так и сложными

⁹ В рогатых шлемах изображены «грешники» и в иллюстрации стиха 74-го псалма «вся рогы грешных сломлю» (л. 193). Так буквально понял художник слово «рог», символизирующее в Библии силу, могущество преимущественно царей.

композициями, в которых для раскрытия символики образов используется и животный, и растительный мир. Такова, например, иллюстрация довольно сложной аллегории 79-го псалма, в котором народ израильский олицетворяется в образе винограда, принесенного из Египта. «Простре розгы его до моря и до рек отрасли его», но «выскую разори оплоты его ... озоба и вепры от луга и инок дивий поял и есты». Между дыумя реками, впадающими в море (имеется в виду, вероятно, междуречье Тигра и Евфрата), на горе стоит высокое дерево, нижние ветви которого уже объедены вепрем, зайцем и каким-то желтым зверыком. Вдесь же и антропоморфная аллегория: истоки обеих рек изображены как две обнаженные человеческие фигуры, льющие воду из кувшинов.

Изображения таких водолеев — древних, еще античных, «языческих» символов рек и других водных потоков, встречаются в Киевской псалтири очень часто. Такой исток (он льется прямо изо рта сидящей на камне фигуры) изображен и у ручья, по которому идет олень, иллюстрирующий сравнение в начале 41-го псалма (л. 57), и у Иордана, изображенного при том же псалме на следующем листе, и у символического «града божия» в начале 45-го псалма (здесь два потока льются изо ртов двух голубых голов), и у «реки божией» в 63-м псалме, у которой два истока — два водолея, выливающие воды из глиняных кувшинов (л. 85), и во многих других случаях, даже в иллюстрациях новозаветных сюжетов (чудо архангела Михаила в Хонех и третий вариант Крещения на л. 162). Два красные водолея, выливающие из кувшинов красные потоки, иллюстрируют стих 77-го псалма: «Й преврати в кровь рекы их» (л. 108 об.).

Из других стихий антропоморфными аллегориями изображены ветры, например в иллюстрации соответствующего стиха псалма 134-го (л. 186 об.) — в голубом круге нарисованы четыре фигуры в пояс, дующие в трубы; над ними надпись: «4 ветри — въсточный и полуднъный, западный, полунощный». В иллюстрациях следующего псалма изображены «солнце» и «месяць» — две одинаковые по рисунку и различающнеся только по цвету аллегории: фигура с нимбом, стоящая на колеснице, в которую впряжены скачущие в разные стороны кони. Изображение светил небесных в виде двух голов в профиль есть и на л. 125, причем голова, олицетворяющая солнце, нарисована в круге. А на л. 23 об. изображения двух (красной и голубой) голов-светил в кругах помещено в голубом сегменте неба, усыпанном золотыми звездами.

Из антропоморфных аллегорических фигур в иллюстрациях Киевской псалтири очень часто изображается ад в образе обнаженного бородатого человека. Обычно она является лишь атрибутом, но не действующим лицом композиции или сочетания нескольких отдельных рисунков. Так, например, около стиха 15-го псалма «яко не оставиши душа моя вь аде» изображена обычная фигура молящегося Давида; сверху, из сегмента, к нему протягивает руку Христос, а внизу полулежит знакомая уже чита-

¹⁰ Его, вероятно, художник Киевской псалтири изобразил в качестве того, кто в гексте назван «инок дивий». Это не совсем понятное словосочетание, которое соотносится с греческим выражением «μονιὸς ἄγριος» (А. Х. В о с т о к о в. Словарь церковнославянского языка, т. 1. СПб., 1858, стр. 157), в некоторых древнейших списках Псалтири заменено выражениями «скот полевой», «уединенный зверь», «одинец» (А м ф и л о х и й. Древлеславянская Псалтирь (Симоновская до 1280 г.), т. 3, М., 1881, стр. 428). Последнее слово в точности соответствует греческому тексту Псалтири «...ἐλομήνατο αὐτήν ὑς ἐχ δρυμοῦ καὶ μονιὸς ἄγριος κατενεμήσατο αὐτήν», что буквально можно перевести так: «... погубила ее свинья из леса и живущий одиноко дикий кабан захватил себе» (см.: В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2, М., 1955, стр. 651: «Одинец — ... кабан вепрь одинец, самый крупный и элой, старый, который отбивается от косяка и бродит один»).

телю фигура (она до этого попадалась уже два раза), символизирующая ад. Но в некоторых случаях эта фигура участвует в изображенном действии. На л. 11 об. она протягивает руки, чтобы принять группу маленьких человеческих фигурок, которых толкает к нему копьем ангел («да възвратяся грешницы в ад», говорится в привязанном к этому изображению стихе); дважды (лл. 37 об. и 140) из ее объятий ангел извлекает маленькую фигурку Давида. В двух вариантах сошествия Христа во ад антропоморфная аллегория ада изображена побежденной: в первом случае ее крепко держит за руки ангел (л. 31), а во втором она лежит скорченная и безжизненная (л. 87 об.).

Наконец, интересны два случая, когда антропоморфная аллегория была понята художником буквально. В 4-м псалме говорится о «тяжкосердных» людях, и этой фразе привязано изображение двух лежащих на земле людей, над которыми склонился ангел (л. 5). Здесь слово «тяжкосердие» понято художником без всяких аллегорий: «тяжкосердии» — просто люди, которым тяжело подняться с земли. Еще «буквальнее» другая, находящаяся поблизости иллюстрация — к стиху 5-го псалма «гроб отверст гортань их». Маленькая фигурка тянется к Христу в золотом круге вверху, а обе ее ноги уже начинают проглатывать крупные мрачные фигуры (л. 6 об.). Не случайно, вероятно, что оба эти примера находятся в начале книги, когда художник еще не освоил всей сложной системы ее поэтических образов и многое понимал буквально — не только две эти аллегории, но и сравнения с зверями, о которых уже говорилось. К концу же своей работы иллюстратор Киевской псалтири уже настолько овладевает ее образным и аллегорическим языком, что дает очень сложные и большие композиции, используя изображения всех видов аллегории зооморфную, растительную и антропоморфную.

Ярким примером сказанного является иллюстрация стиха 143-го псалма «человек суете уподобися — дние его яко сень преходят», в котором жизнь человеческая представлена в образе дерева, подтачиваемого двумя — черной и белой — мышами (л. 197) (рис. 3). Впервые и единственный раз в этой книге изображение сопровождает длиннейшая аннотация, написанная киноварью и представляющая из себя не что иное, как отрывок одной из «притч» Повести о Варлааме и Иоасафе — «Притчи о инърозе» (единороге). 11

Введение в иллюстрацию целого куска текста литературного памятника несколько неожиданно и необычно — ничего подобного на полях Киевской псалтири до этого не было. Но это не случайность, а закономерный результат творчества читателя-художника. Рисуя на полях иллюстрации, художник обнаружил не только глубокое понимание текста иллюстрируемого памятника, но и знание других, связанных с ним, преимущественно гимнологических и литургических текстов. Он был также начитан в патристической и агиографической литературе; только этим

¹¹ Кроме аннотации, более подробно, чем на других иллюстрациях Киевской псалтири, надписаны все составные элементы этой композиции. «Древо есть житие человече» — написано вверху, у кроны; «Се есть подобие ... (эта надпись, как и аннотация вверху, немного обрезана при переплете книги) льсти мир[скими] прелщающи[хся]» — написано около человека, забравшегося на дерево и с ужасом смотрящего вниз, на мышей, подъедающих ствол, надписанных «день» и «ночь». Единорог, гонящийся за другой человеческой фигурой, устремляющейся к дереву, имеет также пояснительную надпись: «Инорог убо образ есть смерти». Пропасть под деревом объясняется как «мир съ исплънен всяческих зол и смертоносных сетий», а разинутая в ней пасть объяснена так: «Эмиа разумевай страшную адову утробу». От последних двух надписей потянулись к изображению киноварные линии; хотя они и не доходят до объясняемых предметов, направление их ясно.

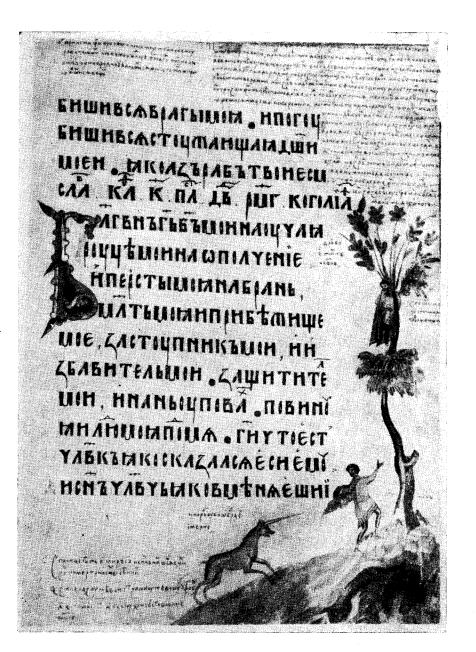

Рис. 3. Киевская псалтирь. 1397 г. (ГПБ, ОАДП, Ғ № 6, л. 197).

можно объяснить наличие на полях книги значительного количества изображений героев и авторов, знакомых древнерусскому читателю по прологам, патерикам, торжественникам и другим сборникам, а иногда, быть может, и по памятникам оригинальной русской литературы.

Так, например, дважды, при 15-м и 32-м псалмах, изображены мученики Гурий, Самон и Авив; их мощи и церковь в Царьграде видел и описал новгородский паломник Антоний (Добрыня Андрейкович). автор одного из первых русских «хождений». В начале 19-го псалма изображен монах в пещере, надписанный «Анфоний»; это скорее всего знаменитый основоположник монашества Антоний Великий, живший, по свиделельству его Жития, в пустыне, в гробнице, но, может быть, это и Антоний Печерский — основатель монастыря в Киеве и основоположник русского монашества. Без всякого фона и атрибутов изображен отшельник, надписанный «Сава» (л. 34 об.); здесь также можно высказать двоякое предположение: либо это Савва Освященный, мощи которого видел вблизи Иерусалима русский паломник XII в. игумен Даниил, либо соименный ему монах того же Киево-Печерского монастыря. В двух последних случаях, быть может, предпочтительнее вторые толкования изображений -как Киевских святых, если иметь в виду происхождение Псалтири из того же города. Многочисленные изображения на полях этой книги палестинских и синайских отщельников свидетельствуют о хорошем знании ее иллюстратором Синайского, Скитского, а может быть, и Киево-Печерского патериков. 12 Знанием литературных памятников, в том числе русских летописей и воинских повестей, их влиянием, быть может, можно объяснить и явную любовь иллюстратора Киевской псалтири к изображению батальных сцен, которыми насыщены поля рукописи. В некоторых из этих сцен можно даже усмотреть русские доспехи и оружие, но этим вопросом могут заняться и решить его лишь специалисты-археологи.

Связь иллюстраций Киевской псалтири с древнерусской литературой усматривается не только, точнее, не столько в заимствовании некоторых сюжетов и персонажей, а в самом принципе иллюстрирования.

Изображения на полях этой книги не только весьма разнообразны по содержанию, но и разностильны по манере; поэтому трудно предположить, что они восходят лишь к какой-нибудь одной лицевой Псалтири: художник скорее всего знал их несколько и компоновал свои иллюстрации самостоятельно, подчиняя их своему пониманию иллюстрируемого текста и добавляя многое от себя, от своего художественного мышления. Он действовал так же, как действовали составители древнерусских «изборников»; писец старейшего из них — Изборника 1076 г. — заявляет в выходной записи, что материал для своей книги он заимствовал «от многих книг княжьих». И хотя многие статьи Изборника 1076 г. надписаны именами византийских авторов, их греческие оригиналы до сих пор не найдены, да и вряд ли когда-нибудь будут обнаружены: слишком уж преобразовались они под пером составителя Изборника, компоновавшего их по своему усмотрению и растворившего их в своем творчестве. Тради-

¹² Изображения отшельников и мучеников на полях Киевской псалтири чаще всего привязаны к стихам, в которых есть какой-нибудь намек на мученические или отшельнические подвиги. Так, например, стих 65-го псалма «Проидохомь сквозе огнь и воду и изведе ны в покой» дал повод художнику для сложного многочастного изображения истории сорока мучеников Севастийских— изображения, насыщенного мельчайшими подробностями и бытовым реквизитом (л. 86). Около стиха 36-го псалма «Весь день милует и взаемь даеть праведный» (л. 50) изображен архиерей, надписанный «милостивый»; художник, вероятно, имел в виду конкретное историческое лицо— Иоанна, патриарха Александрийского, прозванного «милостивым».

ции такого составления литературных «изборников» получили быстрое и повсеместное распространение; они могли оказать влияние не только на писцов-составителей, но и на иллюстраторов рукописных книг. Так скорее всего поступил и иллюстратор Киевской псалтири: он, как художникмозаичист, составляющий изображения из кусков смальты, свободно компоновал, а иногда и добавлял от себя изображения, знакомые ему по греческим и южнославянским Псалтирям. Свободная манера рисунка, широта и своеобразие композиций, а также отдельные случаи несовпадения иллюстраций с текстом свидетельствуют о том, что художник-иллюстратор не копировал оригиналы, но рисовал по памяти, проявляя при этом своеобразную и широкую свою «иконографическую» эрудицию.

Таким образом, вопрос об источниках изображений Киевской исалтири, об их использовании и переработке, отражает проблему многосторонних и разнообразных связей литературы и искусства Древней Руси; он требует специального, очень тщательного и очень нужного исследования. Решать этот вопрос следует не только путем сравнения отдельных иллюстраций греческих и южнославянских Псалтирей XIII—XIV вв. с Киевской, но и с помощью анализа всей системы соотношений текста каждого списка с его иллюстрациями. 13

Несколько легче будет разобраться не в «предках», а в «потомках» Киевской псалтири; этот вопрос для истории русской книги имеет также немаловажное значение. Здесь налицо достаточное количество материала: Угличская псалтирь 1485 г. (ГПБ, F 1 № 5), считающаяся копией Киевской, хотя это общепризнанное мнение и не совсем верно, и свыше двух десятков так называемых Годуновских псалтирей конца XVII в. В изучении этого материала может помочь опыт литературоведов-текстологов, изучающих различные списки памятников древнерусской письменности, распределяющих их по редакциям и вариантам, устанавливающих архетипы и протографы списков. Для изучения традиции книжной иллюстрации такой прием еще не применялся, и в данном редкостном случае, когда имеется рукописная традиция не только текста, но и иллюстрации, его можно попробовать применить.

Однако решить все эти и многие другие вопросы, связанные с изучением Киевской псалтири, можно только в случае хорошего факсимильного многокрасочного издания последней. Попытка черно-белого издания этого памятника, предпринятая ОЛДП в 1890 г., но не законченная (в нем нет двух последних тетрадей), не выдерживает критики, и корректурные листы этого издания для работы с иллюстрациями непригодны. Вопрос о новом многоцветном издании Киевской псалтири сейчас уже не может казаться совсем нереальным, после того как были изданы болгарская Псалтирь Томича и книга о грузинской Псалтири XV в.

Киевская псалтирь 1397 г. является слишком важным памятником искусства книги Древней Руси и русского изобразительного искусства, чтобы не поставить вопрос об ее хорошем многоцветном издании. Ведь

¹³ В решении этого вопроса большую помощь окажет книга И. Тикканена, дающая свод изображений греческих, южнославянских и русских средневековых Псалтирей с классификацией их по редакциям (J. J. Tikkanen. Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1895), а также многие другие исследования книжной миниатюры, в том числе иллюстрации Псалтири, особенно недавно вышедшее издание — исследование южнославянской Псалтири Томича (М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV в. М., 1963). Краткий обзор истории изучения иллюстраций древних греческих, а также славянских и русских псалтирей с перечнем основных работ о них имеется в книге Л. А. Шервашидзе «К вопросу о средневековой грузинской светской миниатюре» (Изд. «Мецниереба», Тбилиси, 1964, стр. 2—18).

⁶ Тр Отд древнерусской лит., XXII

это — единственная из сохранившихся русских книг, написанных в Киеве в пору, когда «мать городов русских» еще не оправилась от многочисленных разорений междуусобных войн и иноземных нашествий. 14 Эта книга является ценнейшим, уникальным памятником не только русского, но и украинского искусства. И делом чести современных русских и украинских историков книги и изобразительного искусства должно стать достойное издание этого памятника.

¹⁴ Книга имеет выходную запись писца с указанием времени и места ее создания, а также имен ее заказчика — епископа Михаила и писца — протодиакона Спиридония. Другая, пространнейшая запись свидетельствует о дальнейшей судьбе этой книги, попавшей в Литву. Это — вкладная «подскарбия земского Великого книжества Литовского» Авраама Езофовича в церковь св. Николая в Вильне 1518 г. Литовские владельцы оставили на книге несколько польских и латинских надписей — преимущественно переводов надписаний иллюстраций, а последний из них — Езофович украсил первую страницу изображением своего фамильного герба. Записи воспроизведены в кн.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953 (Труды Отдела рукописей ГПБ), стр. 36—37.

THEM YABKIUHAZEUAH :-BKINEUB TANT LBLET . 1. APAULUBAXZ KAKILEYETE HEBIEH . PHNINGERNITAZE L. Affe : ..

Рис. 1. Киевская псалтирь. 1397 г. (ГПБ, ОАДП, Ғ № 6, л. 13 об.).

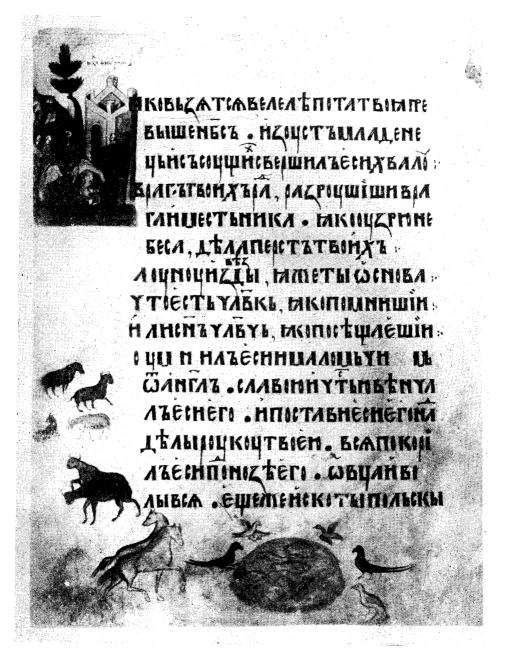

Рис. 2. Киевская псалтирь. 1397 г. (ГПБ, ОЛДП, Ғ № 6, л. 9 об.).